

Пепельная земля под ногами от многодневных ветров стала невероятно сухой, каждый шаг поднимал мелкую черную пыль, которая оседала на штанинах и обуви, неся с собой ощущение неотвязной тяжести. Вэнь Чжуй бессознательно снова пощупала бурдюк с водой на поясе: тот уже давно был совершенно пустым, и в нем не чувствовалось даже намека на влагу, отчего ее и без того тревожное сердце забилося еще сильнее.

Гу Юньхао первым закрыл глаза, и его духовная сила, подобно спокойному и ровному ручью, медленно погрузилась в землю. Пробиваясь сквозь иссушенные трещины почвы, духовная энергия уходила все ниже, проходя сквозь пласты земли, истолченной мощнейшими ударами, пока не коснулась древней ауры, оседающей здесь тысячелетиями. Эта аура была необъятной, первозданной, пропитанной тяжестью времен, и ею явно не мог обладать обычный заклинатель. Это был не просто текущий духовный ци, а то самое влияние, что слилось воедино с самой землей — казалось, бесчисленные глаза из глубин недр распахнулись и холодно уставились на этих незваных гостей.

Мгновение спустя он снова открыл глаза, и его голос прозвучал глухо, с ноткой едва уловимой суровой сосредоточенности:

— Под землей не все так просто. Там кроется невероятно древняя остаточная сила, оставленная некогда могущественными небожителями и демонами. Она залегла в самых глубинах земли и слилась с почвой. Это не живые существа, но они — словно сама душа этих мест, молчаливо охраняющая здешние пределы.

Су Цинъя кивнула, и на кончиках ее пальцев собралась тонкая, но чистая струйка духовной энергии. Эта нить легко дрогнула в воздухе, после чего оказалась утянута невидимой силой, царившей вокруг, и слегка изогнулась, словно ее сжала чья-то незримая рука. Она отчетливо чувствовала, как каждая пылинка в воздухе преисполнена яростного отторжения, отвергая любые чужеродные потоки ци.

— К тому же здесь не только энергия бессмертных... тут разлита мощнейшая сила разрушения.

Она подняла взгляд на потрескавшиеся просторы вокруг: в глубинах тех трещин то и дело вспыхивали искорки бледно-голубого света — это были неразвевшиеся осколки законов мироздания.

— В те времена битвы между мирами бессмертных и демонов достигли предела. Столкновения сил и разрушение законов превратили эту некогда чистую обитель небожителей в выжженную мертвую землю. Та сила разрушения была дикой и суровой, и по сей день она не рассеялась до конца. Она похожа на спящего свирепого зверя: стоит сделать неосторожное движение, как она набросится в ответ, поразив меридианы и даже разрушив дух.

Только затихли ее слова, как из узкой щели в земле внезапно вырвался шлейф бледно-черной зловещей ци. То был мелкий злой дух, порожденный скверной от былых битв; его расплывчатый силуэт походил на язычок зажженного черного дыма. Обладая слабым присутствием, он источал пронизывающий холод, и от одного его пролета воздух словно покрывался тонким слоем инея. Взгляд Гу Юньхао холодно блеснул, тусклый свет сломанного меча вспыхнул на мгновение, и сгусток сконцентрированной меч-энергии мгновенно развеял тварь. Зловещий шлейф издал тонкий пронзительный визг, превратился в крупиты черной

золы и осыпался на землю, не оставив после себя и следа.

— Раз здесь рождаются даже такие твари, это значит, что здешняя злоба невероятно сильна. Мы обязаны поминутно сохранять бдительность.

Цин У поднял глаза к небу. Тяжелые, давящие тучи висели над головой огромными свинцовыми плитами, не давая вздохнуть полной грудью. В глубине облаков между разрывами то и дело перекатывались фиолетовые молнии, а раскаты грома звучали глухо, словно запертые в самых далёких высях небес и не желающие падать вниз. Это было эхо небесной кары, оставшееся со времен великой войны; оно перекликалось с силой разрушения в недрах земли, образуя причудливое и хрупкое равновесие, готовое в любую секунду рухнуть и окончательно поглотить эту выжженную землю.

— Здесь осталась и ци древней небесной кары. Это место — настоящее поле боя древности.

Его голос прозвучал тихо, но упал подобно камню в гладь спокойного озера, взметнув круги ряби в сердцах каждого.

Хуа Чжао исподволь задействовала крупницу Техники Зарождения Жизни, и белоснежное сияние, подобное нежнейшей волне воды, медленно распустилось на ее ладони. Почти одновременно она ощутила, как из глубин земли донесся далекий и слабый отклик. То была однородная древняя жизненная сила, источавшая знакомое материнское тепло, однако она оказалась задавлена пластами бушующей силы разрушения и почти угасла. Тот отклик был слишком слаб — словно свеча на ветру, которая через мгновение готова окончательно погаснуть.

Она чувствовала: эта жизненная сила звала ее, просила о помощи, но сама она была бессильна.

Здесь была сила, были отголоски прошлого, была сама история.

Но не было ответов, не было направления, не было будущего, которого она так искала.

День понемногу клонился к вечеру, холодный ветер поднял тучи пыли, закружив их вихрями над выжженной землей. Ветер принес с собой пронизывающий холод, который пробивал тонкую одежду и проникал до самых костей. Далекие обугленные пни издавали на ветру заунывный стон, напоминающий плач бесчисленных усопших душ или тяжелый вздох самой израненной земли.

Силуэты пяти путников казались длинными тенями в лучах заката, молчаливо застывших посреди пустоши. На фоне бескрайней мертвой земли их фигуры казались столь крошечными и одинокими, будто эта безмолвная вселенная могла в любую секунду поглотить их без остатка.

Закат окончательно скрылся за грядой холмов, и последняя крупница света утонула во тьме.

Над Тяньмяо Цзэ постепенно опускалась ночная мгла, все вокруг заволочло серой пеленой. На

небе не было ни луны, ни звезд — лишь тяжелые грозовые тучи давили сверху, так сильно стесняя грудь, что даже дышать становилось тяжело.

Ветер проносился над выжженной почвой, принося сухие и ледяные крупницы пепла, скрежетал по обугленным ветвям мертвых деревьев и издавал заунывные звуки, похожие то на чей-то тихий плач, то на безмолвный вздох опустошенной земли. Просторный и холодный свист ветра сжимал сердца спазмом, и без того мрачное настроение упало на самое дно.

Пятеро путников пошарили вокруг в темноте и наконец отыскивали относительно цельный крупный камень, на который и уселись. Валун был холодным и твердым, его поверхность испещрена выбоинами, сидеть на нем было ужасно неудобно; холод понемногу просачивался со спины, проникал сквозь ткани одежды, прилипая к коже и заставляя легонько подрагивать от зноя. Однако стоило оглядеться — вокруг виднелись лишь потрескавшаяся земля да кривые мертвые деревья, и не было ни единого приличного места для ночлега, так что оставалось лишь передохнуть здесь.

Никто особо ничего не говорил, атмосфера стояла тихая, но эта тишина давила так сильно, что становилось трудно дышать.

У каждого на душе лежал тяжелый камень: хотя все они находились рядом, это не могло заглушить накатывающее чувство растерянности и бессилия.

Вэнь Чжияюй обняла колени, легко опершись на них подбородком, и тихо вздохнула. Этот вздох был едва слышным, но в звенящей тишине прозвучал отчетливо:

— Мы прошли весь этот путь, и все зацепки вели в Тяньмяо Цзэ... но теперь здесь ничего не осталось.

Су Цинъя смотрела на раскинувшуюся перед ними бескрайнюю черноту выжженной земли, слегка нахмурившись, и в глубине ее глаз читалась редкая для нее растерянность:

— В древних записях нашей секты Тяньмяо Цзэ описывался как место, изобилующее духовной энергией и окутанное туманом бессмертных. А теперь оно превратилось в такую пустошь, где невозможно найти ни единого следа для проверки.

Гу Юньхао прислонился спиной к холодному камню, кончиками пальцев легко касаясь рукояти меча на поясе — прохладный металл помог ему немного собраться с мыслями. Он долго молчал, прежде чем заговорить; голос его был тих, но каждое слово звучало отчетливо:

— Нить оборвалась.

Стоило прозвучать этим трем словам,

как вокруг стало еще тише.

С самой встречи у Зеленых Гор и совместного странствия по Цинцю, сквозь непроходимые чащи, сражения со злыми духами и преодоление опасных преград, в их сердцах от начала и до

конца жила лишь одна цель — добраться до Тяньмяо Цзэ.

Они верили, что стоит им ступить сюда, как все загадки получают ответы, а вся неопределенность найдет свое пристанище.

Но теперь люди прибыли, а дорога исчезла.

— Так куда же... куда нам теперь идти? — тихонько произнесла Вэнь Чжияй, и в ее голосе отчетливо слышались растерянность и обида.

Впереди лежали бесконечная тьма и запустение, позади — трудности пройденного пути и горечь несбывшихся надежд. Невозможность продвинуться вперед или отступить назад — вот что изнуряло сильнее всего.

Хуа Чжао глубоко зарылась лицом в колени, на душе у нее было кисло и тоскливо, так тяжело, что захватывало дух.

Она больше кого бы то ни было жаждала узнать, кто она такая, откуда в ней взялась эта сила жизненной энергии, почему за ней по пятам следовали убийцы и какое прошлое лежит на ее плечах.

Она упрямо верила: стоит добраться до Тяньмяо Цзэ, как все встанет на свои места.

Но сейчас здесь осталась лишь выжженная пустошь.

Ни наследия, ни тайной обители, ни записей, ни следов.

Ничего нет, ничего не отыскать.

Цин У молча сидел рядом с ней, не произнося утешительных речей; он лишь слегка повернулся боком, прикрывая ее собой и защищая от части пронизывающего холодного ветра. Его движения были плавными и уверенными, словно безмолвно говоря ей: как бы ни было трудно, она не одна.

Ветер снова налетел, взметнул с земли черный пепел, покружил вокруг них и медленно осел на подолах одежды, на плечах, в самом сердце.

Святая обитель небожителей, где некогда клубились туманы бессмертных, теперь представляла собой лишь мертвую и пустынную землю.

Пятеро сидели в крошечной тьме, и больше никто не проронил ни слова.

Растерянность, подобно приливу, мягко окутывала их. Никто не знал, куда делать следующий шаг и имеет ли теперь хоть какой-то смысл их упорство на пройденном пути.

Ночь становилась все глубже, грозовые тучи по-прежнему тяжело давили на головы, и даже ветер казался невероятно тяжелым.

Ледяной холод полз снизу от земли, просачивался в щели одежды, прилипал к коже, наполняя тела ознобом. Пятеро по-прежнему прижимались спинами к холодному и твердому валуну, никто не решался заговорить, но это тяжелое чувство растерянности в тишине становилось всё давящее.

Хуа Чжао прятала лицо в коленях так долго, что плечи слегка затекли, и лишь тогда она медленно подняла голову.

Перед глазами по-прежнему расстилалась беспросветная тьма: выжженная земля, мертвые деревья и все то, что было уничтожено пламенем войны, казалось невероятно безнадежным в ночи. Она дошла до самого конца, возложив все свои надежды на Тяньмяо Цзэ, но теперь надежды разбились, путь оказался отрезан, и не было заметно даже малейшего ориентира, куда двигаться дальше.

Усталость, обида и бессилие одновременно хлынули в ее сердце, придавив так сильно, что ей стало трудно дышать.

Она тихонько вздохнула, и этот вздох прозвучал легче пушинки, летящей по ветру — стоило зазеваться, и его бы мигом унесло.

— ...Может, хватит? Давайте все бросим.

Как только эти слова сорвались с губ, остальные четверо разом повернулись к ней.

Вэнь Чжияй, Су Цинъя, Гу Юньхао, Цин У — взгляды всех устремились на нее, полные удивления и глубокого сочувствия.

Хуа Чжао опустила голову, пальцами теребя край одежды, а ее голос звучал слегка осипше:

— Мы прошли такой долгий путь, вынесли столько лишений, с таким трудом добрались до Тяньмяо Цзэ... но здесь ничего нет. Нить оборвалась, ничего больше не найти, и если мы продолжим идти дальше, то неизвестно, сколько еще придется блуждать.

Чем больше она говорила, тем горше становилось у нее на душе:

— Я больше не хочу, чтобы вы продолжали рисковать из-за меня, чтобы вы вечно страдали и уставали. Давайте вернемся, а? Вернемся в город Циншань, будем жить спокойной мирной жизнью, перестанем искать ответы и прекратим эти странствия.

На этом пути она устала по-настоящему.

Она боялась, что не выдержит сама, но еще больше — что станет обузой для тех, кто рядом.

Вэнь Чжияй тут же всполошилась, поспешно подсела ближе и схватила ее за руку:

— Хуа Чжао, как ты можешь такое говорить! Мы же товарищи! С того самого дня, как мы отправились в путь вместе, это перестало быть твоей личной заботой!

Мы согласны сопровождать тебя не потому, что это в тягость — это наш собственный выбор. Нить оборвалась? Не страшно, мы можем поискать другие заплетения. Дорога закрыта? Мы проложим новый путь вместе!

Гу Юньхао, прислонившись к камню, заговорил ровным и уверенным голосом, звучавшим словно успокаивающая пилуля:

— Пока мы держимся вместе, у нас нет причин сдаваться.

Цин У легонько сжал ее похолодевшую ладони, передавая тепло своих ладоней — надежное и успокаивающее.

Он не стал говорить много красивых слов, лишь посмотрел на нее и мягко произнес:

— Я всегда буду рядом. Куда бы мы ни шли и как бы трудно ни было — я здесь.

Каждое твердое слово звучало в ушах и падало прямо на сердце.

Глядя на искренние и непоколебимые взгляды четырех друзей, Хуа Чжао почувствовала, как защипало в носу, а глаза наполнились теплом.

Раньше ей казалось, что она борется в одиночку, но лишь сейчас она поняла: они давно уже воспринимали ее путь как общую дорогу для всех них.

Видя, что ее эмоции постепенно утихают, Цин У мягко произнес:

— Не дави на себя слишком сильно и не держи всё в напряжении. Зацепка потеряна — ничего, придумаем что-нибудь со временем, но нельзя же вечно истощать тело и душу.

Су Цинъя одобряюще кивнула:

— Верно, погружаясь в уныние, мы ничего не решим. Давайте сначала отыщем относительно безопасное и защищенное от ветра место, как следует отдохнем эту ночь, приведем в порядок разум и тело, успокоимся, а когда наберемся сил — спокойно обдумаем дальнейшие шаги.

Гу Юньхао поднялся на ноги и окинул взглядом окрестности:

— Я осмотрюсь неподалеку, поищу чистое и ровное местечко.

Вэнь Чжиюй тоже тут же воодушевилась:

— А я пока соберу вещи, давайте все сделаем по глотку воды и немного переведем дух.

Глядя на воспрянувших духом товарищей, Хуа Чжао почувствовала, как почти погасший огонек в ее груди разгорается с новой силой.

Растерянность все еще оставалась. Тревога никуда не делась.

Но она знала: она не одна.

Ветер по-прежнему гулял во тьме, поднимая с земли мелкую пыль и мягко скользя мимо пятерых спутников.

Но на этот раз в нем чувствовалось не только холодное запустение — появилось чуть больше тепла от взаимной поддержки товарищей.

Они больше не были одинокими тенями, запертыми в ловушке отчаяния, а стали попутчиками, которые поддерживали друг друга в ожидании рассвета.

Ночь сгушалась, тяжелые тучи по-прежнему закрывали небо, не позволяя упасть ни единой звезде. Ветер кружил над просторами Тяньмiao Цзэ, поднимая мелкие крошки черного пепла и проносясь над обугленными стволами деревьев, издавая глухое завывание, но оно уже не вызывало прежней паники в сердце.

Пятеро, поддерживая друг друга, поднялись на ноги и отряхнули пыль с одежды. Тяжелая и давящая атмосфера под воздействием взаимных утешений заметно рассеялась.

Гу Юньхао с мечом в руке тщательно осмотрел окрестности и вскоре обнаружил уголок, хорошо защищенный от ветра. Там две наклонившиеся друг к другу гигантские скалы образовывали естественное небольшое углубление: оно надежно укрывало от завываний внешней бушихи и в то же время находилось на безопасном расстоянии от трещин в земле, источавших зловещую ци, оставаясь довольно чистым и уединенным.

— Отдохнем здесь, — обернувшись, подал он знак остальным, и его голос звучал уверенно и надежно.

Вэнь Чжиюй радостно подбежала туда, опустилась на коленки и потрогала землю. Обнаружив, что почва здесь ровнее, чем в прочих местах, и не столь пронизывающе холодна, она радостно просияла:

— Здесь отлично! Куда приятнее, чем на том большом камне!

Су Цинъя извлекла из пространственного мешка несколько чистых мягких подстилок, расстелив их на земле, а затем достала несколько флаконов с пилюлями для успокоения разума и духа, раздав по штуке каждому:

— Сначала примите по одной, чтобы стабилизировать духовную ци. Окружающая энергия здесь слишком разнородна, нельзя позволить злой ауре повредить вашему сознанию.

Ее движения были точными и мягкими, а каждый жест излучал успокаивающую уверенность.

Хуа Чжао приняла пилюлю и запила водой из бурдюка, поданного Цин У. Теплая влага скользнула по горлу, а целебная сила пилюли принесла прохладу и наконец рассеяла давящее и тяжелое чувство в груди. Подняв взгляд на товарищей, каждый из которых хоть и выглядел уставшим, но смотрел твердо, она снова почувствовала, как защищено в носу, и поспешно

опустила глаза, скрывая влагу в уголках ресниц.

— Не держите разум в постоянном напряжении, — скрестив ноги, тихо напомнил Цин У. — За время долгого пути мы слишком сильно истощили и духовную энергию, и силы духа. Воспользуйтесь тишиной, как следует помедитируйте, успокойте тело и дух — только так мы сможем продолжить путь.

Остальные согласно кивнули и, выбрав удобные места, закрыли глаза для медитации.

Гу Юньхао встал на страже с краю, положив длинный меч поперек коленей. Вокруг него клубилась едва заметная меч-энергия, готовая в любую секунду отразить появление злых духов или нечисти. Су Цинъя пальцами сложила простейшую печать успокоения разума, и потоки духовной энергии медленно заструились, образуя слабый защитный барьер вокруг их убежища. Вэнь Чжияй тоже послушно закрыла глаза, стараясь унять растерянность и тревогу, накопившиеся за день.

Хуа Чжао глубоко вздохнула и, подражая остальным, закрыла глаза, начиная постепенно направлять циркуляцию силы зарождения жизни внутри себя.

Мягкое белое сияние медленно потекло по меридианам, разглаживая следы усталости и боли. Она смутно ощущала, как слабый источник жизненной энергии из глубин земли по-прежнему тихо перекликается с ней — словно далекий зов или безмолвное утешение.

Шло время; тело наполнилось легкостью, а напряженный разум полностью расслабился.

Один за другим спутники открыли глаза, и их лица выглядели гораздо бодрее, чем прежде.

Вэнь Чжияй сладко потянулась и тихонько воскликнула:

— Как же стало хорошо! Только что казалось, что ног не волочу, а теперь снова готова в путь!

Су Цинъя негромко рассмеялась, одновременно беспомощно и снисходительно:

— Только у тебя силы восстанавливаются так быстро.

Гу Юньхао слегка кивнул, а в его тоне прорезалось облегчение:

— Раз состояние вернулось — отлично. Задерживаться здесь не стоит, как только рассветет, мы спустимся с горы.

Хуа Чжао подняла голову, глядя в темноту.

Хотя она по-прежнему не знала, где лежит их путь, и зацепки оставались столь же призрачными, она больше не чувствовала прежнего отчаяния и беспомощности.

Пока эти люди рядом, даже самая темная ночь обязательно дождется рассвета.

Цин У посмотрел на нее с мягкой улыбкой в глазах:

— Не переживай. Завтра, когда спустимся с горы, найдем какую-нибудь деревушку, расспросим местных — быть может, удастся услышать от стариков какие-нибудь старые истории о Тяньмяо Цзэ.

— Угу, — тихо кивнула Хуа Чжао, и в ее голосе теперь звучало гораздо больше твердости.

Она больше не думала о том, чтобы сдаться или отступить.

Ветер постепенно стихал, утратив пронизывающий холод. На горизонте едва заметно проступила бледная полоска рассвета — темная ночная мгла отступала, уступая место дневному свету.

Пятеро прижались друг к другу, молча ожидая рассвета и нового пути.

Наконец край неба окрасился в бледно-серые тона, и тяжелые облака, давившие всю ночь, немного рассеялись. Слабый утренний свет пробился сквозь тучи и мягко осыпал выжженную землю Тяньмяо Цзэ, даря этой мертвой равнине слабое, но ласковое сияние.

Ветер тоже стал мягче, лишившись ночной ледяной колючести; теперь он лишь освежал лицо прохладой, гоняя по земле крошки пепла и легко касаясь обугленных деревьев и обломков скал, неся с собой меньше скорби и больше безмятежности. После ночного отдыха лица всех пятерых разгладились, напряжение спало, а большая часть усталости рассеялась.

Гу Юньхао поднялся первым, легким движением возвращая длинный меч в ножны. Окинув взглядом окрестности и убедившись, что за ночь ничего не произошло, он тихо произвел:

— Рассвело, можем выдвигаться. Злоба здесь слишком сильна, задерживаться нельзя — чем раньше уйдем, тем спокойнее будет на душе.

Вэнь Чжиюй потеряла глаза, подпрыгнула на месте и отряхнула пыль с одежды; на ее лице вновь сияла легкая улыбка:

— Наконец-то мы уйдем из этого мрачного места! Я уже соскучилась по дорогам, где растут цветы, зеленеют деревья и журчат ручьи!

С этими словами она не забыла встряхнуть свой бурдюк — на дне еще плескалось чуть меньше половины чистой воды, чего вполне хватило бы им в дороге.

Су Цинъя аккуратно собрала мягкие подстилки, легким взмахом пальцев развеяв ночной защитный барьер — ее движения были быстрыми и плавными. Подняв взгляд на покрытые зеленью горы за пределами выжженной пустоши, она чуть улыбнулась, и в ее глазах блеснула искорка надежды:

— Внизу должны жить люди. Стоит найти деревню, и мы сможем расспросить местных о былом
— быть может, обнаружим новые зацепки.

Хуа Чжао тоже медленно поднялась на ноги. После ночной медитации ее мысли полностью успокоились. От вчерашней горечи и растерянности не осталось и следа, а в глазах крепла уверенность. Опустив взгляд на собственные пальцы, она почувствовала, как сила зарождения энергии мирно и размеренно течет внутри, согревая тело и словно тихонько нашептывая: не сдавайся, не отступай.

Цин У подошел к ней, протягивая чистый платок, и произнес мягким голосом:

— Пойдем, спускаемся с горы вместе. Уже рассвело, и дорога постепенно станет яснее.

Хуа Чжао подняла на него взгляд, легко кивнула, а уголки ее губ тронула едва заметная, но искренняя улыбка:

— Хорошо.

Пятеро больше не задерживались и повернули к горной тропе, уходящей прочь от выжженной земли. По мере удаления от пустыни пейзаж вокруг начал меняться: иссушенная земля сменялась мягкой почвой, на которой то тут, то там виднелись упрямо пробивающиеся наверх ростки молодой зеленой травы — неприметные, но полные живой энергии.

Чем ниже они спускались с горы, тем светлее и живописнее становилось вокруг.

<http://bllate.org/book/20121/1989476>